

A person wearing a long black cloak is walking away from the viewer down a narrow, misty forest path. The path is covered with fallen brown leaves and has several puddles that reflect the person and the surrounding trees. The forest is dense with tall, thin trees, some of which have yellowing autumn leaves. The atmosphere is foggy and mysterious.

Анатомия тени

Николай Трясцын

Николай Трясцын

Анатомия тени

<https://litres.ru/74357239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что именно отличает человека от его отражения? Только ли направление сердца? Но трещина в сосуде души одинакова на всех широтах. Грех не в том, что тень существует. Грех — в отказе признать её частью себя и в тщетной попытке убежать в стерильную святость, которая без милосердия к собственной тьме оборачивается ложью.

Это роман о встрече, которая неминуемо ждёт каждого, кто осмелится заглянуть в зеркало с пристальным, беспощадным вниманием. И если вы, читая это, почувствовали, как что-то шевельнулось внутри — не пугайтесь. Это значит, что ваша собственная ненаписанная глава тоже ищет выхода.

Содержание

Глава 1. Фотография	4
Глава 2. Лабиринт без чудовищ	8
Глава 3. Салон алых зеркал	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анатомия тени

Глава 1. Фотография

Часть первая. Чужое лицо

Буэнос-Айрес, поздняя весна, ноябрь. В воздухе стоит влажная духота, какая бывает перед рождением большой грозы. Город пахнет жасмином, разогретым асфальтом и — если прислушаться к ветру с Ла-Платы — едва уловимой гнилью, словно река выдыхает сны утопленников.

Литературный вечер закончился, но гул ещё стоял в ушах Даниэля Кортеса — тот особенный, липкий гул рукоплесканий, который не столько возносит, сколько отделяет тебя от самого себя. Он стоял у высокого окна в баре отеля «Маджестик», рассеянно глядя, как огни проспекта Коррьентес расплываются в морosi, и чувствовал знакомую пустоту. Ту самую пустоту, которая неизменно приходила после публичных выступлений: словно из него вынули все внутренности, оставив только звонкую, безупречно отполированную оболочку.

— Мэтр Кортес, вы сегодня были, как всегда, великолепны, — пропела за спиной журналистка, имени которой он не

запомнил. — Ваше эссе о святости в современном мире... Это так смело. Вы говорили о благодати, а казалось, что вы исповедуетесь перед всем залом.

Даниэль обернулся. Он знал этот тип поклонниц: глаза горят тем восторгом, который ищет не столько истины, сколько интимной сопричастности. Лет тридцать назад он бы поддался искушению очаровать её в ответ, но теперь, в свои шестьдесят восемь, он только вежливо улыбнулся. Улыбка вышла сухой, как старая бумага.

— Я лишь прочитал то, что написал. Там нет моей личной исповеди.

Женщина на миг смешалась. Ей хотелось другого — чтобы седовласый мэтр, живая легенда аргентинской католической литературы, чьи книги переводились на двадцать языков, оказался таким же трепетным и ранимым, как герои его романов. Ей нужен был святой, заглянувший в бездну. Вместо этого перед ней стоял сухопарый человек в безупречном сером костюме, с лицом, похожим на старинную гравюру, — тонкие черты, высокие скулы, печальные глаза цвета мокрого табака. В нём было достоинство, но не было тепла.

Когда она ушла, Даниэль подозвал официанта и заказал рюмку «Фернет Бранка». Крепкий травяной ликёр, горький до спазма, должен был хоть немного вернуть ощущение реальности. Он носил маску так долго, что уже не всегда помнил, существует ли под ней лицо.

Портье принёс ему запечатанный конверт. — Для вас, дон

Кортес. Передали четверть часа назад. Молодой человек, не назвался.

Даниэль машинально вскрыл конверт. Внутри была фотография, без единого сопроводительного слова. Он поднёс её к свету настольной лампы, и в висках глухо застучала кровь.

Снимок был дурного качества — сделан, судя по зернистости, на дешёвый телефон в полутьме. Комната, задрапированная малиновым шёлком. Обнажённая женщина на кровати, тело — напряжённая дуга, рот приоткрыт не то в стоны, не то в молитве. Мужчина над ней, спиной к камере, но вполоборота — ровно настолько, чтобы стало видно лицо. *Его* лицо. Профиль Даниэля Кортеса: те же впалые щёки, та же седая прядь, спадающая на лоб, та же родинка у левого виска.

У него пересохло во рту. Он судорожно перевернул фотографию. На обороте — шариковой ручкой, коряво и пьяно: *«Ты написал, что грех — это путь к свету. Теперь ты видишь, как далеко ты зашёл?»*

Первая мысль, почти спасительная: монтаж. Злобный розыгрыш. У него были враги — все, кто отваживается публично говорить о целомудрии и вере в эпоху торжествующей иронии, непременно их наживает. Но внутренний холод говорил о другом. О том, что родинка у виска — именно та, крошечная, похожая на кляксу, — была на правильном месте. И форма ушной раковины, и то, как человек на фото чуть сутулит плечи, — всё это было слишком телесно, слиш-

ком неоспоримо.

Он сомкнул фотографию, но тут же расправил и сунул в карман пиджака.

В ту ночь он не сомкнул глаз. В гостиничном номере, пропахшем чужим одеколоном и пылью бархатных портьер, Даниэль стоял перед большим зеркалом в ванной. Беспощадный люминесцентный свет выбеливал лицо, делал его похожим на гипсовую маску. Он разглядывал своё отражение с ужасом, какого не испытывал с детства. Ему вдруг пришло в голову слово, которое он сам вложил в уста одного из персонажей: *«Дьявол не придумывает для нас новых лиц. Он просто надевает то, что мы прячем от самих себя.»*

В зеркале шевельнулась тень. Или это просто мигнула лампа.

Глава 2. Лабиринт без чудовищ

Утром он вернулся в свой дом в районе Сан-Тельмо — старый колониальный особняк с внутренним двориком-патио, где рос разросшийся лимон, а по стенам карабкался плющ. Здесь он жил один, после смерти жены, вот уже двенадцать лет. Прислуга, седая парагвайка Лусия, приносила еду и молча убирала комнаты. Тишина в доме стояла такая, что, когда под половицами скреблась мышь, казалось, что это кто-то произносит шёпотом забытую молитву.

Даниэль прошёл в кабинет. Со стен смотрели иконы — не только католические, но и несколько греческих, привезённых с Афона во времена его былой страсти к путешествиям. Распятие из тёмного дерева, суровое, испанское, с каплями запёкшейся крови на терновом венце. Фотографии жены, Карины, на книжных полках: вот она смеётся, запрокинув голову, в кафе на Авенида-де-Майо; вот сидит у камина в Патагонии, закутанная в индейский плед. Он сел за стол и снова достал снимок.

Теперь, при дневном свете, он показался ему ещё отвратительнее. Изнанка плотской тайны, грубая, без тени эстетики. Женщина на кровати была очень молода, почти девочка. Мужчина — *он сам* — выглядел хищно, по-звериному напряжённо. Даниэль знал своё тело: стариковские складки у поясицы, шрам от аппендицита, родинка у виска. Но на

этом снимке было что-то чужеродное в том, как тело держалось. Слишком резкая, молодая стать. Он, Даниэль, в свои годы давно утратил эту животную грацию. Нет, спина на фото принадлежала человеку моложе.

Двойник. Самозванец. Или... он сам, но в иной, отколовшейся реальности?

Он заставил себя думать рационально. Кто-то, очень похожий на него, замешан в грязной истории. Кто-то хочет его уничтожить — либо шантажировать. Надо идти в полицию? Но что он скажет? «Нашли моего двойника, который развлекается с проститутками»? Скандал будет страшнее, чем если промолчать. Вся его репутация строилась на образе морального авторитета, нации, пережившей диктатуру, коррупцию, цинизм, — и вот он, старый писатель, призывающий к чистоте души, сам оказывается замешанным в смраде.

Он вспомнил строчку из собственной книги, которую так часто цитировали критики: *«Человек — это прозрачный сосуд, наполненный светом. Но если в свете появляется трещина, он начинает сочиться тьмой, сам того не замечая.»* Трещина. В нём самом? Нет. Он никогда... Он не мог. Но память — коварная вещь. Иногда она прячет от нас именно то, что мы не в силах принять.

Даниэль подошёл к секретеру, где хранились дневники. Он вёл их всю жизнь: десятки тетрадей в коленкоровых переплётах, исписанных мелким, бисерным почерком. В них были мысли, планы романов, обрывки снов. Последние годы

записей стало меньше: старик устал от самоанализа. Но он принялся лихорадочно перелистывать страницы в поисках хоть какого-то намёка. Провалы в памяти? Ночи, которых он не мог вспомнить?

Вот запись трёхмесячной давности, сделанная нетвёрдой рукой, под утро, судя по дате:

«Опять этот сон. Город, которого нет. Улицы, мощёные черепом, дома из застывшего воска. Я иду и знаю, что в конце переулка меня ждёт женщина. У неё лицо Карины, но тело — чужое, слишком юное. Я просыпаюсь с тяжестью в паху и с отвращением к себе. Господи, доколе? Старческая похоть — это насмешка дьявола, последний уголь, тлеющий в золе.»

Ничего криминального, просто горькая исповедь старика. Но тон был... какой-то раздвоенный. Словно писал не только он, но и тот, другой, что прятался внутри.

Зазвонил телефон. Он вздрогнул.

— Алло? Дон Кортес? Это Пабло Фернандес из редакции «Насьон». Простите за ранний звонок, но тут... странное дело. Сегодня в редакцию пришло письмо на ваше имя. Вернее, на имя человека, который выдаёт себя за вас. Мы хотели бы, чтобы вы взглянули.

Сердце упало куда-то в желудок.

— Что в письме?

— Приглашение. Вас — или этого человека — зовут на закрытую вечеринку в особняке в Палермо. «Салон алых зер-

кал». Очень интимное мероприятие. Но подписано вашим именем. И стиль, простите, совершенно не ваш. Я позвоню позже, когда смогу переслать скан.

Даниэль положил трубку и долго смотрел на распятие. Ему вдруг показалось, что лик Христа на тёмном дереве изобразился — не в усмешке, нет, но в глубокой, всеведущей скорби.

Глава 3. Салон алых зеркал

Он принял решение быстрее, чем ожидал. Если где-то существует его двойник, его тень, облечённая плотью, он должен увидеть её. Не для того, чтобы изобличить, — хотя и для этого тоже, — но чтобы понять. Писательский инстинкт, обострённый десятилетиями вскрытия чужих душ, требовал материала. Собственная психика дала трещину, и в эту трещину, как свет в камеру-обскуру, вливались образы, мрачные и манящие.

Два дня он готовился. Достал из шкафа старый, почти забытый клетчатый пиджак, который не носил лет пятнадцать, мятые брюки, кепку. Никто не должен узнать в нём «мэтра». Вечером в пятницу он поймал такси и назвал адрес в Палермо.

Особняк оказался за высоким глухим забором, увитым глицинией. У чугунных ворот стояли двое охранников — не качки в смокингах, а какие-то незаметные люди в чёрном, с глазами рептилий. Даниэль предъявил распечатку приглашения, полученную от журналиста. Охранник окинул его равнодушным взглядом и кивнул.

Внутри царил интимный полумрак. Музыка — что-то электронное, пульсирующее, с вплетёнными обрывками григорианского хорала. Зал, куда он вошёл, был обтянут малиновым шёлком, и повсюду висели зеркала. Большие, в тя-

жёлтых барочных рамах, и маленькие, вмонтированные прямо в стены. В них множились свечи, и Даниэлю почудилось, что он ступил внутрь огромного калейдоскопа, собранного из фрагментов чужого греха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.